Г. К. Лукомскій.

О ДРЕВНЕ-РУССКОМЪ ЗОДЧЕСТВѢ ЧЕРНИГОВА.

С.-Петербургъ.
1912.

Г. К. Лукомскій.

О

ПРОИСХОЖДЕНІИ ФОРМЪ ДРЕВНЕ-РУССКАГО ЗОДЧЕСТВА ЧЕРНИГОВА.

С.-Петербургъ.
1912.

Территоріальныя особенности черниговскаго края характеризуются влажной равниною, прорѣзываемой на всемъ своемъ протяженіи съ сѣвера на югъ широкой Десной и окаймленной на западѣ еще болѣе широкимъ Днѣпромъ — водными путями, имѣвшими когда-то большое культурно - историческое значеніе. На сѣверѣ этотъ край покрытъ и донынѣ дремучими Брынскими лѣсами, описанными въ забытыхъ теперь романахъ Загоскина. Въ эти лѣса ученыя изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ переносятъ мѣсто дѣйствія былинъ Ильи Муромца и Соловья-Разбойника: древнія названія: „Карачевъ“ („конь окарачился“), „Девять дубовъ“, имена рѣкъ, холмовъ и т. п. намъ говорятъ о далекомъ прошломъ...

Историческія особенности вытекаютъ изъ территоріальныхъ; крутые берега Десны даютъ географическое и стратегическое основаніе тремъ, крупнѣйшимъ послѣ Кіева, защитнымъ опорамъ края отъ нашествія врага: Чернигову Новгородъ-Сѣверску и Брянску, имѣвшимъ очень крупное бытовое и культурное значеніе. Торговые

обороты Чернигова, который велъ дѣла непосредственно съ Тмутараканью, были большими, нежели у Кіева.

Но татарское иго стираетъ вскорѣ всякое государственное значеніе этого края.

Проходятъ столѣтія забвенія, и возрожденіе наступаетъ лишь въ XVII вѣкѣ. Послѣ блестящей для развитія новыхъ формъ и поддержанія стараго зодчества «Мазепинской» эпохи, гетманщина заканчивается замѣчательною, въ этой области архитектуры, дѣятельностью семейства Разумовскихъ, насаждавшихъ здѣсь елисаветинское барокко. Послѣ учрежденія Екатериной II Черниговской губерніи, оживленіе края выражается сооруженіемъ барскихъ помѣстій, особенно при Александрѣ I знаменитыхъ, классическихъ дворцовъ. Затѣмъ—жизнь, затихаетъ становится типично провинціальной, и съ отливомъ всѣхъ лучшихъ силъ въ болѣе крупные центры, дѣлается совершенно захолустною. Уныло глядятъ теперь окна многихъ фамильныхъ „палаццо“, пустуютъ и разрушаются полузабытые храмы...

Вопросъ о происхожденіи первоначальныхъ формъ древняго черниговскаго зодчества, разрабатывавшійся уже давно, пріобрѣлъ, съ опубликованіемъ трудовъ вѣнскаго профессора Стржиговскаго и «*Исторіи рускаго искусства*» Игоря Грабаря, столь твердо стоящаго на почвѣ «византизма», особый интересъ.

Съ краткаго обзора *исторіи происхожденія формъ черниговскаго зодчества* можно начать перечисленіе отдѣльныхъ ученій о старинѣ этого города и хотя бы не дѣлая окончательныхъ выводовъ, пролить всетаки

Колокольня Борисоглѣбскаго собора.

Деталь карниза изъ Спасо-Преображенскаго собора.

немного свѣта на этотъ сложный и, столь долгое время, незаслуженно обходимый молчаніемъ, вопросъ.

Прежде всего вспомнимъ по этому поводу нѣкоторыя, новѣйшія теоріи и изысканія, связанныя съ заслужившими громкую извѣстность, сочиненіями Стржиговскаго,[1]) посвятившаго не малую долю своихъ трудовъ, восточному вопросу. Вернемся и къ давнишнимъ теоріямъ изслѣдователя черниговской старины П. А. Лашкарева. Пересмотримъ только что вышедшіе изъ печати труды по исторіи архитектуры черниговщины, и сдѣлаемъ вообще за 20—30-лѣтній промежутокъ времени обзоръ мнѣній по вопросу о происхожденіи памятниковъ зодчества Чернигова, поскольку эти сужденія отвѣчаютъ или не согласуются съ новѣйшими теоріями.

При этомъ нужно сказать, что помимо описательнаго и художественнаго интереса, вопросы теоретическіе, касающіеся древнѣйшихъ памятниковъ Черниговскаго края, заслужили бы вообще на гораздо большее вниманіе, чѣмъ то, которое удѣлялось имъ до сихъ поръ многими изданіями по исторіи русскаго зодчества.

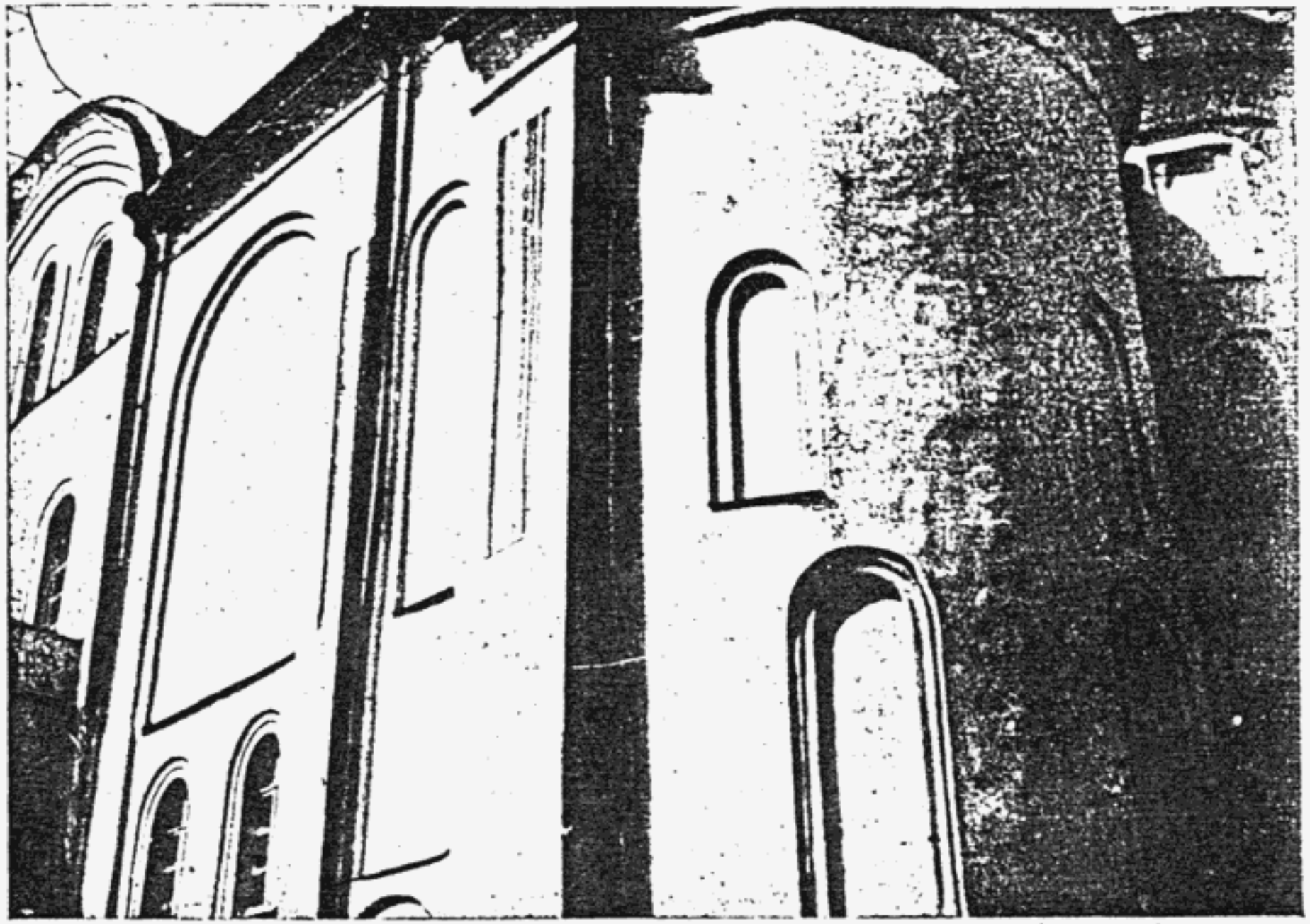
Наука показываетъ, что во время первоначальнаго сформированія всѣхъ культурныхъ цѣнностей неизбѣжно вліяніе сильнѣйшихъ организацій. Даже, когда татарское иго отрѣзало доступъ къ Россіи прочихъ вліяній, Волжскій путь оставался свободнымъ, и были нити, соединявшія Русь съ юго-востокомъ. Именно до этого времени Малая Азія и Сирія были главными поставщиками товаровъ юга и юго-запада Россіи. Предметы, носящіе слѣды востока въ курганахъ, недавно раскопанныхъ въ Черниговѣ и подтверждаютъ, что возникновеніе первыхъ формъ черни-

овскаго зодчества совершилось если не подъ воздѣйствіемъ, то при участіи тѣхъ вліяній, которыя могли быть занесены именно этой торговлей съ ближнимъ востокомъ. Вліяніе шло черезъ Тмутаракань — страну, опредѣляющуюся положеніемъ на юго-востокъ отъ Азовскаго моря, куда былъ поставленъ Владимиромъ Святымъ княжить сынъ его, Мстиславъ Удалой, *Тмутараканскій*,—послѣ одержанной имъ побѣды—первый христіанскій князь Черниговскій (1024—1036).

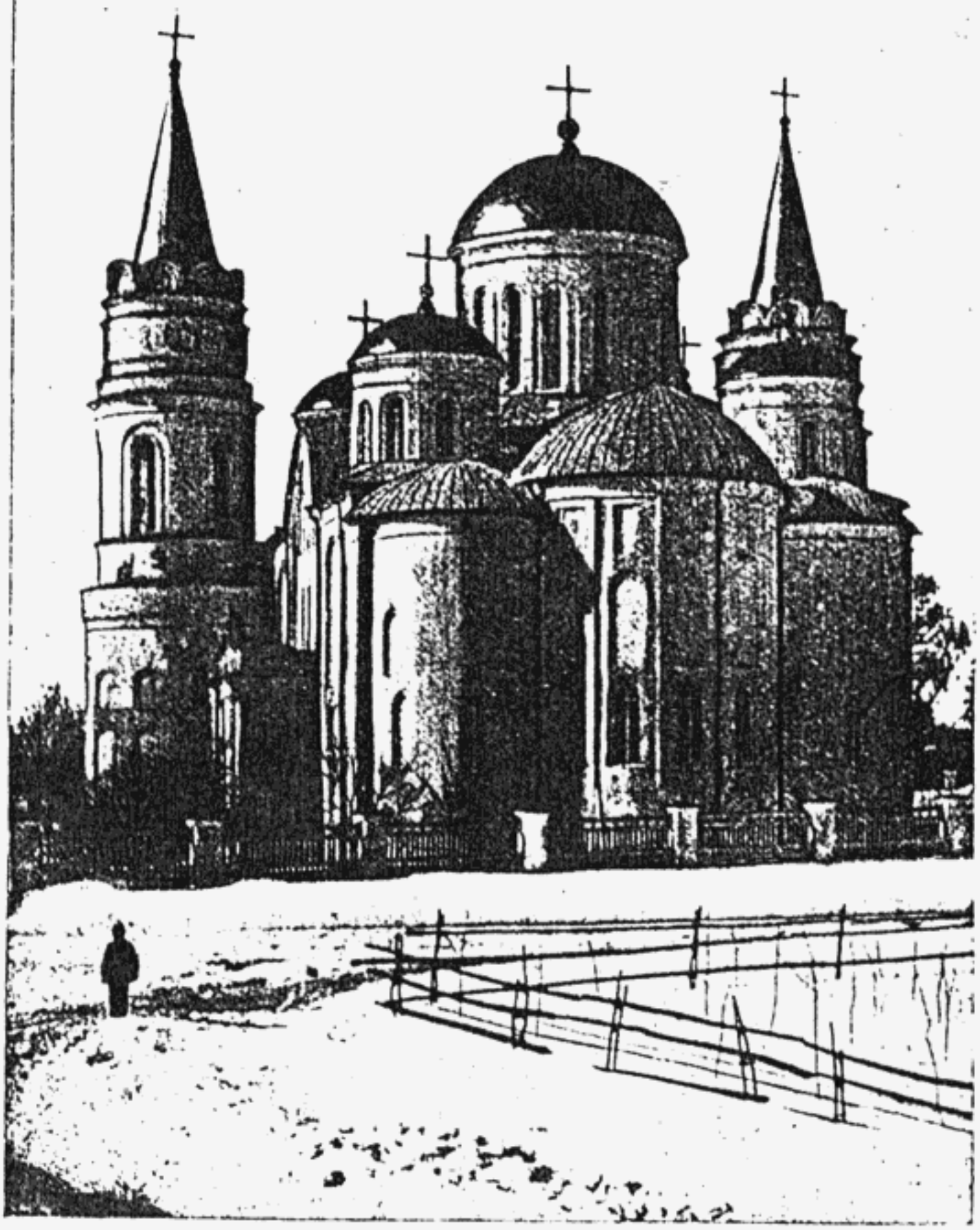
Впрочемъ, не только кіевское и черниговское зодчество имѣетъ въ исходной основѣ близость къ зодчеству этого востока, т. е. Арменіи; и церкви Новгорода, и особенно Владимира Суздальскаго носятъ слѣды *планового сходства* съ храмами армянскими. Здѣсь всего замѣтнѣе пробѣлъ теоретиковъ, стоящихъ на почвѣ одного «византизма».

Все искусство побережья Чернаго моря входитъ въ область вліянія армянскаго искусства, а черезъ посредство послѣдняго связывается съ традиціями Персіи эпохи Сассанидовъ; а достигнувъ этой области, идеи Востока имѣли т. о. для своего распространенія открытые пути—рѣки, впадающія въ Днѣстръ, Днѣпръ и Волгу.

И религіозные памятники южной Россіи занимаютъ, поэтому, среднее мѣсто между школами Константинополя и Арменіи, но стоятъ ближе къ послѣдней, что подтверждается многими деталями. Когда въ XVI в. мусульманская Персія создала луковичный куполъ—въ силу подражанія, свидѣтельствующаго объ устойчивости традицій, взявшихъ начало по ту сторону Кавказа, его усвоила и Россія



Апсиды Спасо-Преображенскаго собора.



Апсиды Спасо-Преображенскаго собора въ Черниговѣ.

сдѣлавшая его однимъ изъ главныхъ элементовъ своей архитектуры.

Но въ этомъ приближеніи къ Арменіи было два оттѣнка, подобно тому, какъ и въ самой Арменіи была борьба двухъ началъ—сирійскаго и византійскаго. Въ XI вѣкѣ Арменія подчинилась персидско-арабскому вліянію, а Грузія—византійскому, усвоенному отчасти и Россіей. [2])

И среди общаго одряхлѣнія (въ IV вѣкѣ начинается упадокъ Рима, все сильнѣе и сильнѣе увеличивающійся къ XI вѣку) единственный народъ, хранящій энергію—персы Сассанидской эпохи. Здѣсь продолжаетъ существовать могущественное искусство, о жизненности котораго свидѣтельствуетъ дворецъ Ктезифона.

И вотъ, такъ какъ изъ числа государствъ, примыкавшихъ къ Византіи, Персія была единственною наслѣдницею сильныхъ традицій, то въ основѣ всѣхъ христіанскихъ архитектуръ лежатъ и персидскія идеи, распространяющіяся по тремъ направленіямъ: 1) къ Малой Азіи и Константинополю, 2) къ Арменіи и Закавказью и 3) къ Сиріи и югу Средиземнаго моря.

Этимъ обстоятельствомъ и объясняется нѣкоторая общность памятниковъ архитектуры, разсыпанныхъ на громадномъ протяженіи отъ Аѳона до Аахена и отъ Салоникъ до Рейхенау.

Но въ то время, когда отъ Персіи, въ направленіи къ Константинополю, исходитъ плодотворное теченіе, вызывающее расцвѣтъ византійскаго искусства, та же Персія является источникомъ другого теченія, поднимаю-

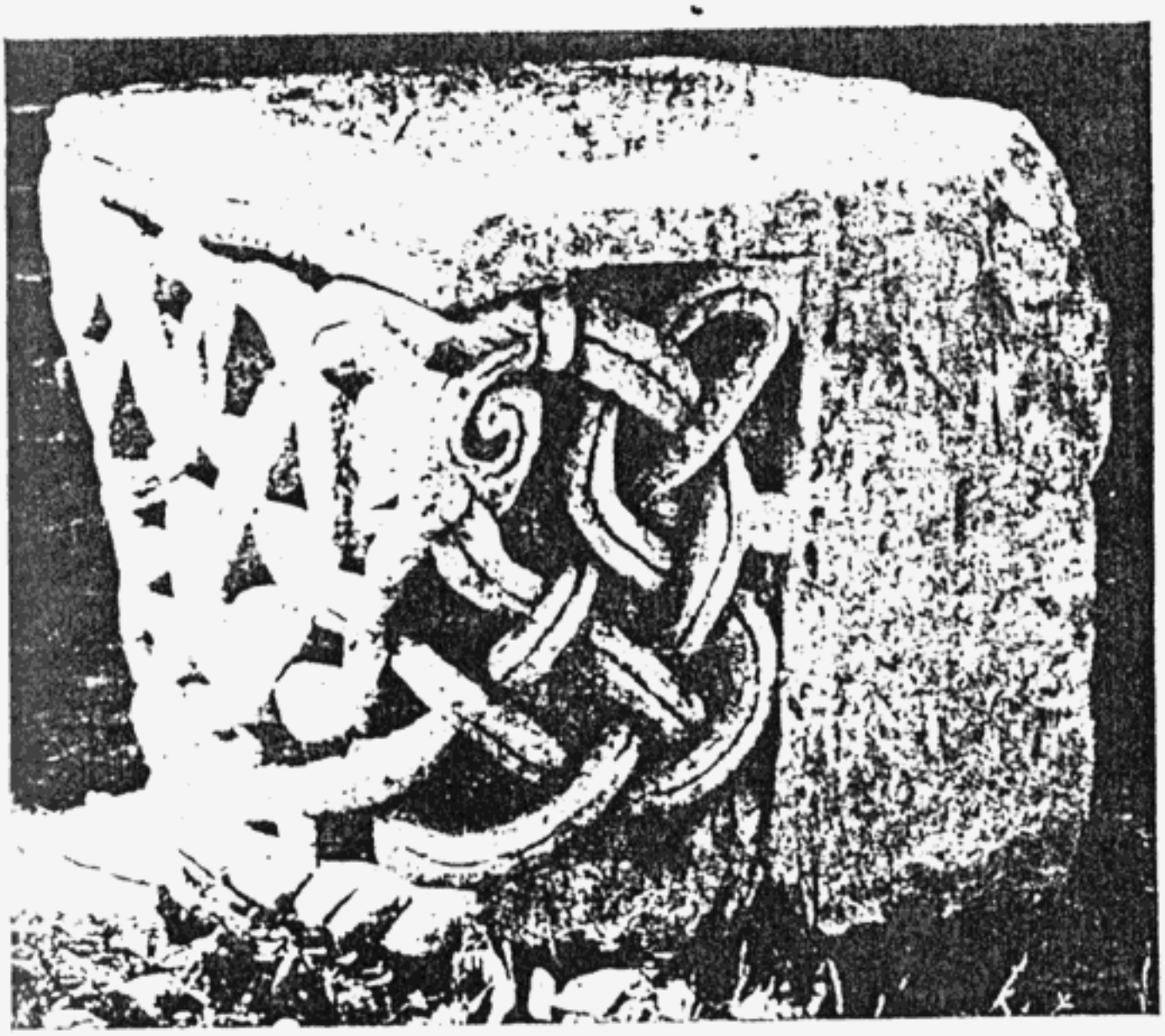
щагося по Евфрату, достигающаго центральной Европы, и идущаго далѣе по притокамъ Чернаго моря.

Такимъ образомъ, стиль нашихъ первоначальныхъ церквей, а южно-русскихъ особенно, въ значительной степени болѣе армянскій, нежели византійскій: все побережье Чернаго моря входитъ въ область армянскаго искусства и связывается съ традиціями Персіи, эпохи Сассанидовъ.

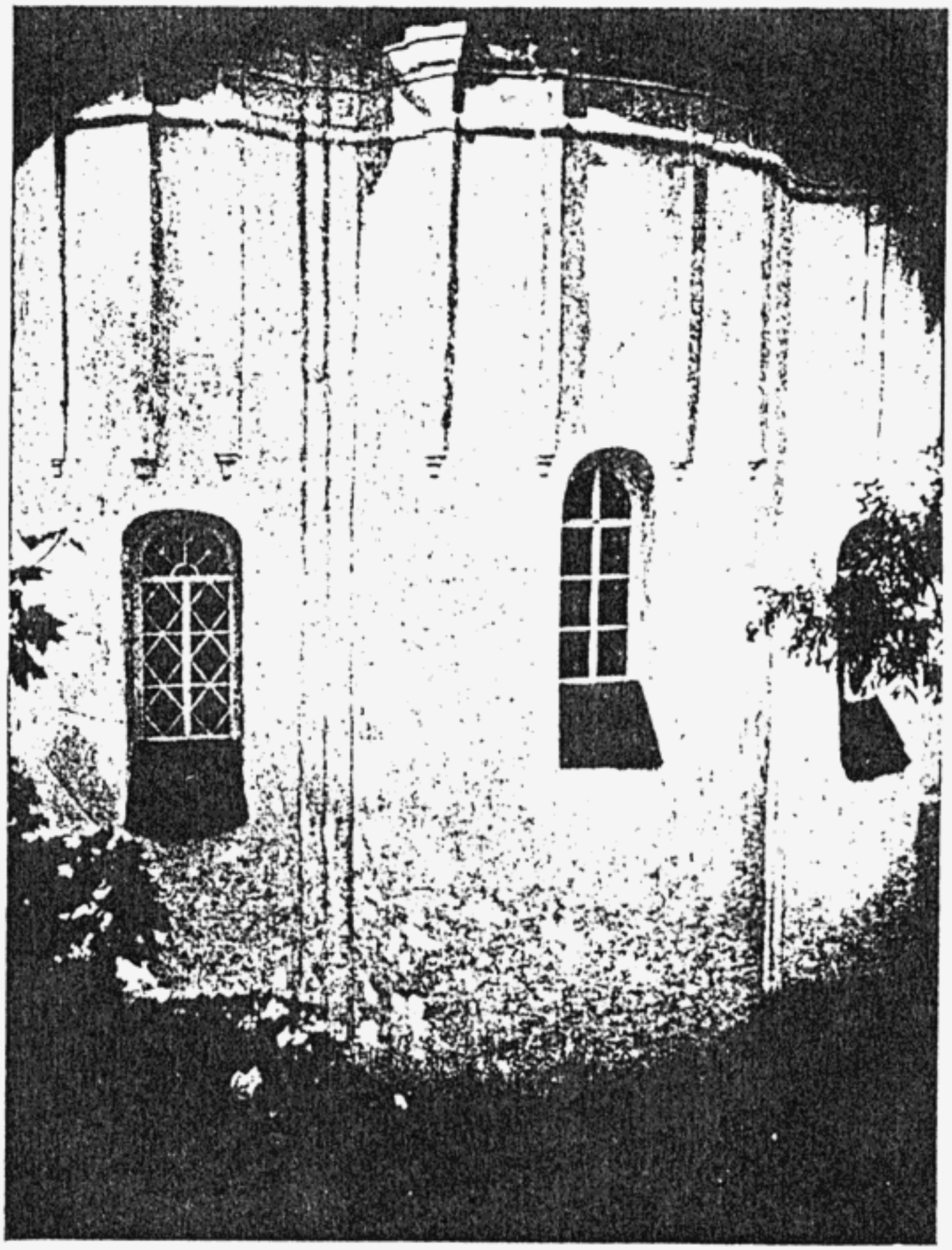
Застроенные въ ширину пятью—семью апсидами, храмы Кіева, Чернигова, Новгорода, по мысленной очисткѣ всѣхъ *позднѣйшихъ* апсидъ и наслоеній (первоначально было 3 апсиды, что вызывалось требованіями обрядности: жертвенникъ, алтарь, діаконикъ), въ плановомъ смыслѣ вполнѣ совпадаютъ съ памятниками абхазскими (церкви Лыхни, Мокви, Никорцменды); съ византійскими же храмами второго періода сходство у нихъ значительно меньшее: апсиды абхазскихъ и русскихъ храмовъ очерчены всегда *круглыми* линіями, въ Византійскихъ (II-го періода) церквахъ эти выступы, подобно сирійскимъ церквамъ, часто *многогранны*. Нѣтъ никаго сходства церквей Чернигова съ Аѳинскими и Аѳонскими церквами. Апсиды церквей Теотокопосъ, Даѳни, св. Никодима и другихъ подчеркнуто-гранныя.

Участіе работъ русскихъ мастеровъ въ первоначальныхъ постройкахъ приходится совершенно отрицать: нѣтъ и слѣдовъ его. Лишь въ XVI—XVII в.в. выростаетъ съ огромной силой самостоятельная работа русскихъ мастеровъ и создаетъ изумительные по самобытной переработкѣ формы и типы богатѣйшаго замысла.

Общее теоретическое обоснованіе *исторіи проис-*



Капитель изъ Спасо-Преображенскаго собора.



Апсиды церкви Параскевы-Пятницы.

хожденія древняго зодчества южной Россіи шло, вкратцѣ, въ слѣдующемъ порядкѣ. Иностранная наука, начиная съ Віоле-ле-Дюка, безпристрастно брала за основы русскаго зодчества *и* Византію, *и* Востокъ.

Гр. Уваровъ, Даль, Кондаковъ, Гр. Толстой, Артлебенъ, Павлиновъ, Сусловъ и многіе другіе вырабатывали самыя различныя по этому вопросу теоріи.

И вліяніе зодчества Италіи, (ломбардскихъ церквей), и Тироля, и персидской орнаментаціи и германско-романской архитектуры видѣли эти ученые въ формахъ и, особенно, въ деталировкѣ первыхъ русскихъ церквей. Національныя стремленія эпохи Александра II и, особенно, Александра III были больше расположены въ пользу чистаго «византизма»; но затѣмъ, вѣскіе доводы проф. Стржиговскаго, снова заставили обратиться и насъ къ крайнему Востоку.

И въ замѣчательномъ своемъ сочиненіи „Byzantinische Denkmäler“, изданномъ въ Вѣнѣ (1903), Стржиговскій приходитъ къ слѣдующему выводу: „Арменія, прилегающая съ одной стороны къ Азіи (Персіи), а съ другой—къ Россіи, съ XI ст. обнаруживаетъ свое самобытное направленіе. Для плана національно-армянскихъ церковныхъ построекъ этой эпохи характерна общая продолговатость формы, съ куполомъ, увѣнчивающимъ среднее пространство. Крестъ внутренняго плана—не греческій (восточный и западный концы длиннѣе сѣвернаго и южнаго), и не латинскій (восточный и западный концы имѣютъ одинаковую длину); онъ—специфически армянскій. Вмѣстѣ съ греческими священниками и монахами приходили на Русь грече-

ские и, какъ есть основаніе полагать, *армянскіе* живописцы и зодчіе, которые вводили съ XI столѣтія каменную архитектуру. И русское зодчество, оставаясь до монгольскаго ига вѣтвью византійскаго, отличалось отъ послѣдняго *многими* чертами, какъ разъ присущими *армянской* архитектурѣ. За послѣднее время въ нѣкоторыя изысканія приписываютъ армянскимъ образцамъ еще большую роль въ возникновеніи русскаго зодчества, нежели византійскимъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова".

Безвременно скончавшійся въ 1895 году русскій ученый, спеціально посвятившій себя изслѣдованію черниговскихъ храмовъ, проф. Лашкаревъ также считалъ *замыселъ черниговскихъ церковныхъ* „примитивовъ"— *армянскимъ, а конструкцію ихъ греческой.*

Особенности самой кладки древнихъ церквей Чернигова сходны съ примѣнявшеюся въ Херсонесѣ: онѣ состоятъ въ томъ, что цемяночный слой изъ толченаго кирпича и извести чередуется съ слоемъ булыгъ. Планы нашихъ храмовъ проф. Лашкаревъ вполнѣ опредѣленно считаетъ занесенными изъ Тмутаракани, указаніе на связь съ которой, онъ видитъ и въ „Словѣ о полку Игоревѣ", начиная ее съ сына Святослава— Глѣба, котораго отецъ послалъ княжить въ южной Россіи.

Правда проф. Г. Г. Павлуцкій говоритъ, что было бы ошибкой думать, что всѣ южные храмы строены по одному плану; но, соглашаясь съ тѣмъ, что византійскій типъ претерпѣвалъ разныя видоизмѣненія, онъ предлагаетъ все таки видѣть въ дѣленіи пилястрами плоскости фасада и въ соединяющихъ ихъ аркахъ вліяніе Кахріе-Джами и церкви Пантократора, а планъ черниговскаго

Фасадъ Спасо-Преображенскаго собора въ Черниговѣ.

Апсиды св. Софіи въ Кіевѣ.

собора сравниваетъ съ церковью святыхъ Апостоловъ въ Солуни (храмъ того типа, начало которому положила базилика Василія I). Десятинную церковь онъ сравниваетъ съ церковью Дафни (близъ Аѳинъ), или съ церковью св. Никодима.

Но вѣдь проф. Павлуцкій находитъ и во владимиро-суздальскихъ церквахъ вліянія *только* Запада и Византіи, тогда какъ мѣсто крайняго востока въ сформированіи зодчества владимиро-суздальскаго достаточно теперь опредѣлено. Даже лѣтописцы говорятъ про Андрея Боголюбскаго: „приведи ему Богъ мастеры *изъ всѣхъ* страны".

Сходство съ абхазскими церквами видно даже у новгородскихъ соборовъ. Если въ св. Софіи, отбросивъ позднѣйшія наслоенія, выдѣлить древнѣйшія части, мы получимъ *полное совпаденіе плана* съ абхазскимъ пріемомъ, напр. въ церкви Мокви. Роспись—другое дѣло; она могла принадлежать и греческимъ мастерамъ, причемъ была лишь грубымъ подражаніемъ греческимъ мозаикамъ и орнаментальной росписи, но церковь въ Кидекшѣ — ясное доказательство несомнѣннаго воздѣйствія *армянской* структуры даже на сѣверное зодчество.

Сходство владимиро-суздальскихъ и абхазскихъ церквей вѣдь можетъ быть опредѣленно доказано и внѣшними данными: 1) абхазская церковь въ Лыхни украшена крыльцомъ-тамбуромъ; этотъ каменный придѣлъ появляется и въ Россіи впервые (Юріевъ Польскій, Георгіевская ц.); 2) порталы и въ Арменіи, и у насъ заострены кверху; 3) арки не широкія, а трехлопастныя (въ формѣ

арабско-персидской); 4) уборы и разныя украшенія, снабжены „ковровымъ“ орнаментомъ вокругъ оконъ; 5) самый характеръ и рисунокъ орнаментаціи: сирины, василиски, кентавры, грифоны на медальонахъ, и покрывающая аркатуры, рѣзьба, черезвычайно сходны (напр. деталь „волкъ“ съ персидскаго блюда); 6) членение стѣнъ вполнѣ одинаковое, 7) украшеніе стѣнъ колонками — пріемъ, встрѣчающійся въ персидскихъ сооруженіяхъ (дворецъ V вѣка въ Хорасабадѣ, тамбуры дворца Хозроя въ Стезифонѣ) встрѣчается и въ церквахъ этой области Россіи.

Чередованіе тягъ показываетъ персидское вліяніе, а въ армянскихъ арочныхъ поясахъ безусловно вліяніе сирійское, т. е. восточное. Послѣдній стиль рѣзьбы, плоско декоративный, не горельефный, мы видимъ и на имеретинскихъ церквахъ въ Никорцменды (XI вѣка); а вѣдь персидскіе рѣзные всадники напримѣръ безусловно одного типа съ армянскими.

Но такъ какъ восточное вліяніе въ романскую эпоху было всюду, то и въ нашемъ зодчествѣ есть общность, съ испытавшей *это же* вліяніе, группой памятниковъ въ Пуату и Ангулемѣ, причемъ романскія детали являются достаточно вѣрными протооритиналами нашихъ, въ безпорядкѣ унизывающихъ стѣны и полныхъ сѣверно-итальянской фантастики (ломбардской «полосатости» расположенія въ нихъ не встрѣчается), украсительныхъ деталей. Нѣкоторые ученые видятъ въ русскихъ „прилѣпахъ“ слѣды швейцарско-тирольской рѣзьбы. [3])

Почему же И. Грабарь и его сотрудники, г.г. Пав-

луцкій, Горностаевъ и др. столь „византійны"? Вѣдь еще Павлиновъ считалъ *не дѣйствительнымъ* мнѣніе, высказывавшееся нѣсколько разъ въ московскомъ археологическомъ обществѣ (до виленскаго археологическаго съѣзда), о доминированіи византійскаго „начала" и склонялся къ тому, что черниговскіе соборы имѣютъ въ основѣ своей *малоазіатское* происхожденіе; а вѣдь тогда его сужденіе еще ничѣмъ не было обосновано.

Чрезвычайно характерна исторія одного изъ наиболѣе значительныхъ памятниковъ черниговскаго зодчества— Спасо-Преображенскаго собора. Заложенъ онъ былъ сыномъ Владимира Святого Мстиславомъ Тмутараканскимъ въ 1031 г. (на 5 лѣтъ ранѣе кіевскаго Софійскаго и на 14 лѣтъ ранѣе св. Софіи новгородской); а въ 1240 г. уже разрушенъ татарами; въ 1611 г. онъ пострадалъ отъ поляковъ; а въ 1675 г. Дунинъ-Борковскій, реставраторъ и меценатъ вродѣ Петра Могилы, исказилъ его достройкою круглыхъ симметричныхъ башенъ. При Екатеринѣ II столбы для прочности были обложены двумя рядами кирпичей, окна расширены, и настланъ чугунный полъ. Въ 1628 г. въ храмѣ были перестроены шатры и перекрыты желѣзными листами; въ 1670 г. они были покрыты снова. Въ 1820 г. стѣны были изнутри окрашены (и достаточно безобразно) подъ цвѣтъ разныхъ мраморовъ; тогда же пристроили и входы, по типу входовъ Архангельскаго московскаго собора (тоже „готическіе"). Кладка изъ валуновъ велась когда-то на „розовомъ" растворѣ и чередовалась слоями съ добавленіемъ кирпича. Этотъ признакъ и обнаруживаетъ первоначальныя стѣны; послѣдующія части сложены на извести.

Чтобы исправить теперь храмъ, надо, очевидно, всѣ эти позднѣйшія пристройки убрать, т. е. снести двѣ башни, три входа, всѣ крыши, и всю штукатурку; храмъ долженъ оказаться полосатымъ, и тогда только будетъ „напоминать“ черты храма Византіи (II періода). Впрочемъ, будетъ напоминать лишь по виду, но не по плану.

Интересенъ также въ Черниговѣ, въ Елецкомъ монастырѣ, и Успенскій соборъ, основанный въ 1060 году внукомъ св. Владиміра—Святославомъ, въ древнѣйшей части своего фасада сохранившій *романскій*, состоящій изъ полукрулыхъ арочекъ, поясокъ и полукружіе часовни въ правомъ придѣлѣ. Недавно найдены въ храмѣ древнія орнаментальныя и изображающіе Страшный Судъ фрески, но дальнѣйшими изслѣдованіями этотъ храмъ, къ сожалѣнію, не осчастливленъ.

Какъ показываютъ высказанные въ засѣданіи комитета XIV археологическаго съѣзда взгляды, романская особенность архитектуры черниговскихъ церквей, въ орнаментовкѣ ихъ деталей, свидѣтельствуетъ о первомъ опытѣ соединить два стиля—армянскій и романскій. Пятницкая церковь построенная въ 1116 году, въ Черниговѣ также сохранила любопытный фризъ, изъ висячихъ столбиковъ съ консолями, обрамляющій верхнюю часть апсидъ. Поясокъ же храма Елецкаго монастыря, идущій съ трехъ сторонъ на той же высотѣ, какъ и во владимиро-суздальскихъ храмахъ, опредѣленно даетъ основаніе допустить протооригинальность черниговскихъ церквей относительно владимиро-суздальскихъ.

Линіями сводовъ и своимъ планомъ Ильинская церковъ, основанная Святославомъ Ярославичемъ, близь Свято-

Троицкаго монастыря, также можетъ быть отнесена къ числу лучшихъ древнихъ образцовъ зодчества Чернигова, явившагося прототипомъ для многихъ иныхъ церквей Россіи.

Борисоглѣбскій соборъ построенный въ 1120 году княземъ Давидомъ сохранилъ лишь часть своего плана, но древнею кладкою своихъ стѣнъ онъ интересенъ для изслѣдователя Черниговскаго зодчества.

Вліяніе *романскаго* зодчества на *отдѣлку* черниговскихъ церквей подтверждаетъ наконецъ и найденная въ Черниговѣ рѣзная капитель XI—XII столѣтій, хранящаяся въ Борисоглѣбскомъ соборѣ найденая въ 1860 г., напоминающая fonts-baptismaux, и извѣстная подъ названіемъ „польской крестильницы“; капитель эта явно романской орнаментаціи.

Въ заключеніе надо пожелать чтобы всѣ черниговскіе храмы удостоились такого же серіознаго и спеціальнаго изслѣдованія (на что они вполнѣ заслуживаютъ), какое было произведено архитекторомъ Д. Милѣевымъ въ Десятинной церкви Кіева; нужно также, чтобы впредь были *охраняемы* не только храмы Чернигова, но *и вѣсь тотъ ансамбль*, который они здѣсь образуютъ. [1])

ПРИМѢЧАНІЯ.

Пр. 1. Вотъ краткій перечень трудовъ профессора Стриговскаго (Strzygowski, I.) по византійскому вопросу:

Neu Moni auf Chios (Byzantinische Zeitschrift. 1896).

Die Christliche Denkmäler Aegyptens. 1898.

Der Bilderkreis des griechischen Physiologos nach Handschriften der Bibliothek des Smyrna. 1899.

Orient oder Rom. Beiträge zur geschichte der spätantiken und frühchristlichen Kunst. 1901.

Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte.

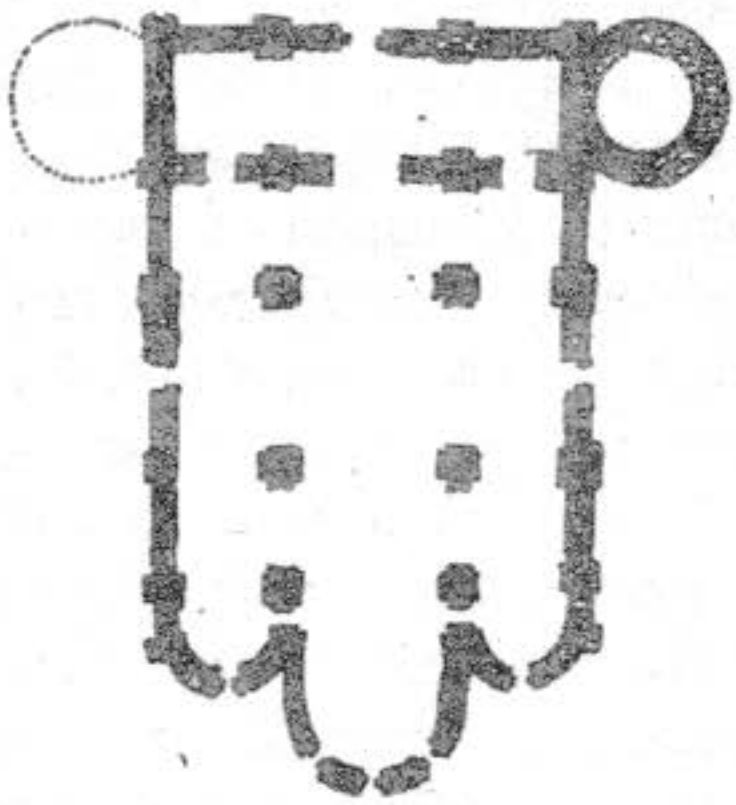
Die Byzantinische Kunst (Byz. Zeitschr. 1890).

Byzantinische, Denkmäler. Das Etschmiadsin Evangeliar. 1891.

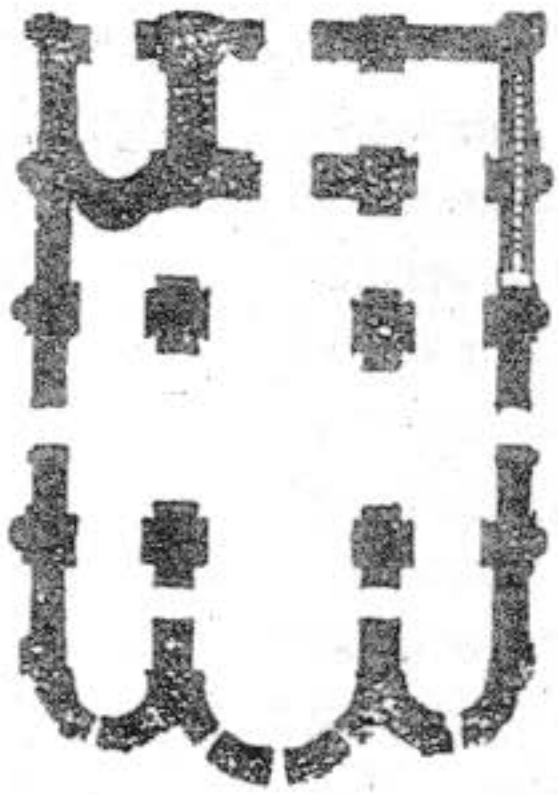
Miscellen in Byzant. Kunst.

Inedita der Architectur und Plastik aus der Zeit Basilios (Byz. Zeistchr. 1894).

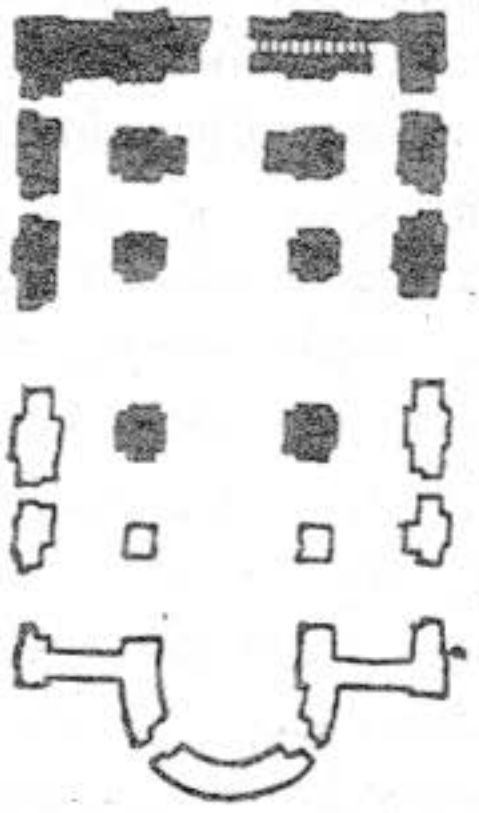
Пр. 1. Византійская архитектура въ хронологическомъ отношеніи расчленяется на періоды: 1) подготовительный (Малая Азія, базилики съ куполомъ), 2) мало изслѣ-



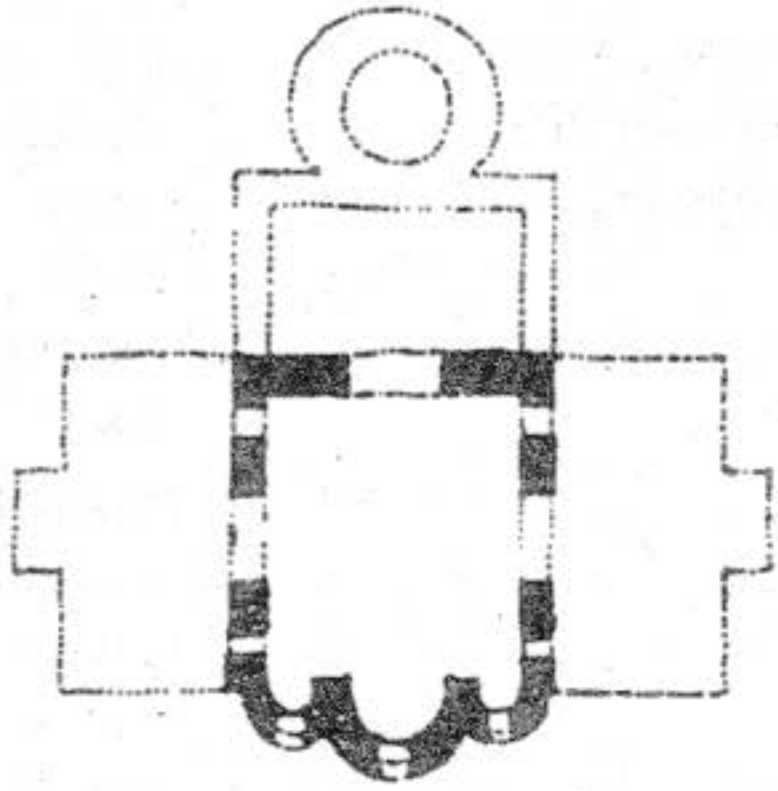
1



2



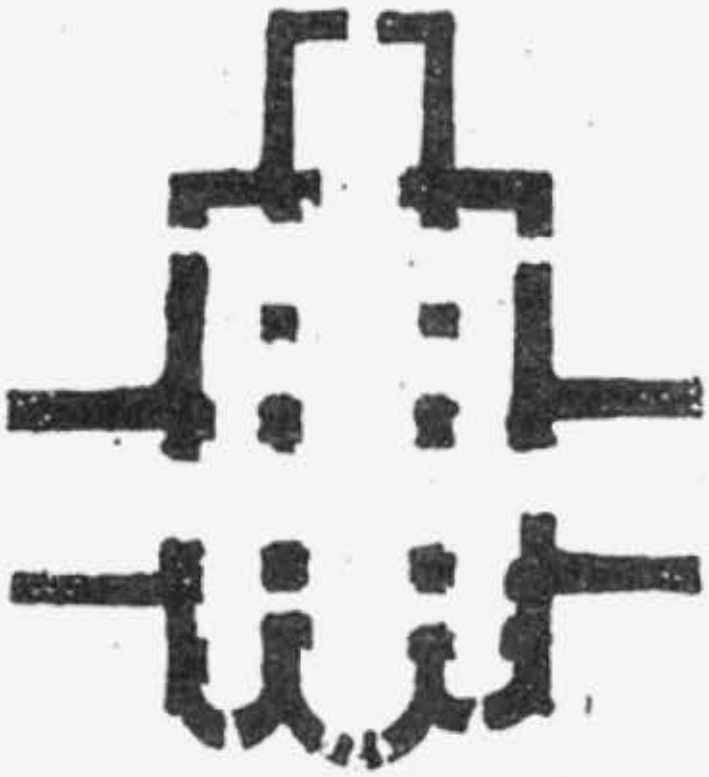
3



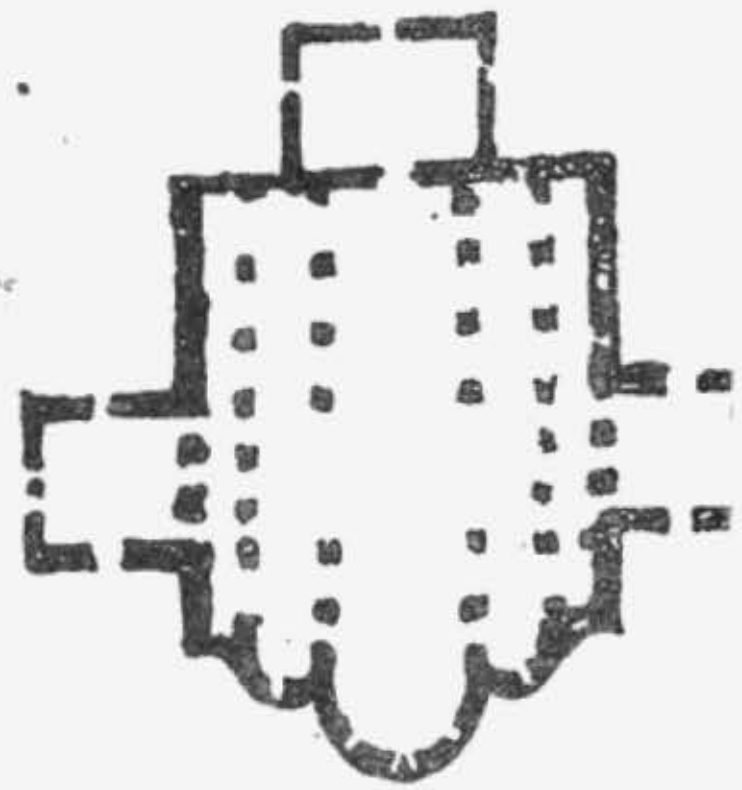
4

ЧЕРНИГОВСКІЕ ХРАМЫ.

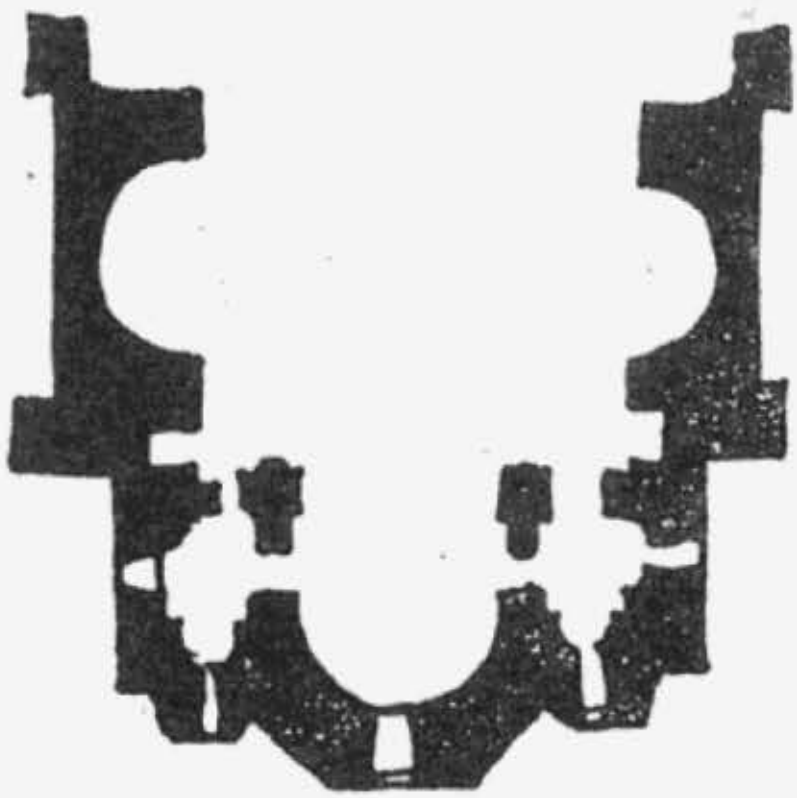
1. Планъ Спасскаго собора.
2. Планъ Успенскаго собора (Елецкаго монастыря).
3. Планъ Борисоглѣбскаго собора.
4. Планъ церкви Параскевы-Пятницы.



1



2



3

ВОСТОЧНЫЕ ХРАМЫ.

1. Планъ церкви въ Лыхни.
2. Планъ церкви къ Мокви.
3. Планъ церкви (Византійской, 2-го періода) въ Аѳинахъ.

дованный періодъ формированія, IV—VI в. в., закончившійся св. Софіей; 3) отъ VII до X вѣка періодъ застоя; 4) X в. — послѣдній періодъ оживленія, когда устанавливается окончательно типъ церквей, традиціи которыхъ сохранились на Аѳонѣ, и, наконецъ, 5) періодъ ератической косности—когда византійское искусство не имѣетъ исторіи и въ теченіе 8 вѣковъ хранитъ однообразіе, примѣръ которому, съ трудомъ, можно найти лишь въ архитектурѣ Египта времени фараоновъ.

Пр. 3. Есть еще интересный вопросъ--о *взаимоотношеніяхъ* отдѣльныхъ школъ зодчества разныхъ областей Россіи но вліяніе черниговскаго зодчества на владимиро-суздальское пока научно не разработано, и ждетъ еще своего изслѣдователя.

Пр. 4. Между тѣмъ вблизи интересной Екатерино-Покровской церкви (XVII вѣка) предполагается постройка (по проекту, конкурсъ на составленіе котораго состоялся въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ обществѣ архитекторовъ) зданія *губернской земской управы.* Надо пожелать, чтобы новое сооруженіе было въ своемъ стилѣ согласовано съ окружающимъ его, создавшимся вѣками, архитектурнымъ пейзажемъ, и чтобы будущее зданіе еще болѣе не испортило этого историческаго вида, уже нарушеннаго въ своей цѣльности домомъ дворянскаго пансіона-пріюта „желто-кирпичной“ архитектуры, и нарушаемаго снова сейчасъ домомъ, строящимся въ неудачномъ пережиткѣ *московскаго* „русскаго стиля“; воздвигаемая постройка „Епархіальнаго дома“ будетъ напоминать скорѣе торговые ряды или дешевыя „подворья“.

Проектъ мѣстнаго земскаго дома, составленный на

основаніи прекрасныхъ первоисточниковъ гражданской архитектуры *находящихся въ Черниговѣ*, могъ бы обратить вниманіе и послужить благимъ образцомъ для всего вообще *новаго* украинскаго строительства. Современная свѣтская постройка, именно, въ русскомъ стилѣ въ Черниговѣ могла бы представить большой интересъ, благодаря обилію того матеріала, который или вовсе заброшенъ или который до сихъ поръ еще не былъ использованъ зодчими и который, однако, *долженъ* будетъ найти себѣ, наконецъ, примѣненіе въ такомъ подходящемъ случаѣ.

Обработка оконъ ризницы Троицкаго монастыря, одноэтажныхъ корпусовъ Елецкаго монастыря или фасада дома Мазепы, еще ждетъ своего приложенія для композиціи современныхъ сооруженій.

